

Советская
Азия

Б.И.Макаренко КОНСОЛИДАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ: «ДЕТСКИЕ БОЛЕЗНИ» ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

В середине августа 2002 г. Азербайджан провел референдум по конституционным поправкам, часть которых существенно меняют правила избрания и преемственности органов власти. На Украине президент в это же время вдруг высказывается за «парламентско-президентскую республику». В России с подачи Магаданской думы вновь вспыхивает дискуссия о продлении срока полномочий президента. Три разные страны, три разные проблемы – но, как представляется, одно и то же явление: детская болезнь консолидации демократии.

В 1991 г. пятнадцать советских республик начали трудный путь строительства собственных наций, и почти ни одна из выбравших демократический способ устройства общества, не избежала детских болезней ее консолидации. Забегая вперед, скажем, что лишь одна из пятнадцати избежала сильных приступов этой болезни, а еще несколько относительно благополучны по формальным признакам, но фактически тоже болели достаточно серьезно.

Диагноз

Лучшим «диагностом» новорожденных демократий следует признать американского политолога Сэмюэля Хантингтона. Десять лет назад сформулировал он «тест двумя передачами власти». Согласно ему, демократия становится необратимой (консолидированной) только тогда, когда «партия демократизаторов» уступает власть после поражения на выборах, а потом возвращается к власти в следующем электоральном цикле, то есть в стране существуют как минимум две политические силы, способные и брать, и отдавать власть по демократическим правилам.

Попробуем «перевести» этот диагноз на язык постсоветских реалий. Минималистские условия поступательного движения к консолидированной демократии можно сформулировать в трех пунктах:

1. В стране складывается и регулярно действует система выборов всех уровней власти (*включая высшую*), которая в достаточной степени приближается к общепринятым стандартам свободного и честного волеизъявления;

2. В стране за десятилетие появились прецеденты смены высшей власти через выборы, не вызвавшие радикальных перемен в характере общественного строя, а проигравшая на выборах политическая сила сохраняет шансы на возвращение во власть;

3. Основные правила, определяющие порядок избрания власти и полномочия высших общенациональных властных институтов, не подвергались за десятилетие существенной коррекции.

Есть и четвертый параметр – территориальная целостность государства. Если часть территории (как правило – с преобладанием национального меньшинства) де-факто выходит из состава государства и не принимает участия в его политической жизни – это само по себе сильнейший удар по консолидации демократии. Из пятнадцати республик «территориальные потери» несли четыре – Молдавия (Приднестровье), Азербайджан (Карабах), Грузия (Абхазия и часть Южной Осетии) и, разумеется, Россия, где Чечня практически все минувшее десятилетие находилась в состоянии вооруженного мятежа против российской власти, а примерно половину этого срока его не контролировалась ею. Но этот фактор все же больше относится к «строительству нации», а не консолидации ее демократии.

Оговоримся: все сформулированные условия недостаточны для оценки качества демократии в целом, тем более – эффективности всего комплекса модернизационных реформ. Не описывают они и состояния властной элиты и политического класса. Они лишь оценивают минималистские параметры демократии: готовность этого класса брать власть и расставаться с ней по демократическим правилам, иначе говоря – степень преодоления «генетического страха» всей элиты бывшего Союза – перед потерей власти и последствиями этой потери.

«Пациенты» Центральная Азия

Пять центральноазиатских государств детскими болезнями демократии не болеют, поскольку демократию не строят. Формально выборы проводятся (кроме Туркменистана, где благодарный народ смог-таки уговорить Туркменбаши править им пожизненно), но они не свободны – партии запрещают, реальных оппонентов просто сажают (как киргизского Феликса Кулова), если они не успевают бежать из страны (как казахский политик Акеджан Кажегельдин); выборы несправедливы – оппозиционная пресса либо не существует, либо влечит жалкое существование, «административный ресурс» действует многократно сильнее, чем в России. Продление полномочий центральноазиатских лидеров на безальтернативных референдумах в 90-е годы носило характер почти повальной эпидемии.

Конечно, пять политических режимов этой части света не во всем одинаковы. Можно выделить два однозначно авторитарных режима, где легальная оппозиция практически отсутствует: «жесткий» в Туркменистане – там, кажется, перестали заботиться даже о внешних приличиях, т.е. соблюдении формальных процедур, и чуть более мягкий, и лишенный столь одиозных черт культа личности в Узбекистане,

в котором политические партии существуют, но по закону не имеют права бороться за власть (sic!). Казахстан и Киргизия же активно играют в формальные признаки демократии, но получается это у них все хуже. Таджикистан, прошедший через жестокую гражданскую войну, парадоксальным образом остается самым плюралистическим из всех центральноазиатских государств: вчерашних противников в гражданской войне нельзя «запретить» – иначе они тут же возьмутся за оружие. И если лет пять-шесть назад еще были серьезнейшие сомнения в том, сохранится ли Таджикистан как государство, то теперь этот этап пройден, национальное примирение стало реальностью, хотя о демократии говорить рано.

Прибалтика

Сколько продлится «фаза авторитарности» в центральноазиатских государствах – вопрос сугубо гипотетический. Но пока рассуждать об их «детских болезнях демократии» просто нет оснований.

Как можно было ожидать, именно в Прибалтике становление демократических процедур пошло легче всего. Одна из прибалтийских республик – Литва – это пожалуй самый «безболезненный случай» консолидации демократии на пространстве бывшего Союза. Единственная из трех балтийских республик, Литва дала гражданство практически без ограничений всем, кто постоянно проживал на ее территории на момент распада СССР (так называемый «нулевой вариант» гражданства). «Воссоздание государственности» и «исторических партий» в Литве (равно как и у двух ее соседей) – это скорее миф, чем реальность: межвоенные прибалтийские государства совсем не были похожи на демократии – даже по меркам того времени. Но это миф «работающий» – в историческую оболочку было вставлено новое содержание. Правительства и президенты в Литве меняются, причем за этими сменами власти стоит реальное политико-идеологическое размежевание. Литва – самый «чистый случай» (из бывших советских республик) трансформации бывшей компартии в социал-демократическую силу, способную побеждать в электоральной борьбе, брать и уступать власть.

Латвия и Эстония по многим признакам не отличаются от Литвы. Однако их демократия страдала достаточно серьезной болезнью: неинклюзивным характером. Огромная часть населения этих республик – русские, точнее – русскоязычные – не получила гражданства, а следовательно и политических прав. Формирование законодательного поля и всего политического режима в Латвии и Эстонии проходило без участия политических представителей подавляющего большинства русскоязычных. Отсюда – явно «правая» модель развития, отсюда – многочисленные случаи правовой и административной дискриминации нетитульного населения. Казалось бы, острая фаза этой болезни уже в прошлом: власти обоих государств были вынуждены принять более свободный порядок получения гражданства. Однако

неизбежен и рецидив: когда русских избирателей (а значит, и депутатов) станет больше, они поставят под сомнение «правила игры», сформированные на «междусобойчике» представителей титульной нации, этот процесс также может стать весьма болезненным.

Закавказье

По формальным основаниям казалось бы, что одна из трех закавказских республик – Армения – относительно благополучна в плане консолидации демократии: отставка первого президента Тер-Петросяна внешне выглядела добровольным шагом, за которым последовали президентские выборы. Но то, что к отставке его вынудили – фактически под угрозой государственного переворота – это «секрет Полишенеля», сыгравший в этой истории ключевую роль министр обороны С.Саркисян, равно как и финалист президентских выборов К.Демирчян, были убиты в парламенте в результате крайне загадочной истории.

Грузия в самом начале независимого развития пережила две катастрофы – утрату территорий и фактическую гражданскую войну, кончившуюся свержением первого президента. Похоже, грузинская политическая элита до сих пор не оправилась от этих шоков, а потому предпочитает малоэффективную, но устойчивую власть Шеварднадзе. Так что, ее детская болезнь по-прежнему в состоянии «средней тяжести», а по глубине провала «строительства нации» Грузия уступает разве что Таджикистану.

Азербайджан по тяжести болезни сравним разве что с «менее авторитарными» из центральноазиатских государств. При этом он тоже пережил на заре независимого развития один «свершившийся» государственный переворот и несколько попыток свержения президента Алиева. Отсюда – и жесткость азербайджанской власти в отношении оппозиции, впрочем, пока не приводящая к формальной отмене электоральных процедур. Вот и сейчас власть в Азербайджане идет на частные поправки к правилам игры: упрощение избрания президента, изменение порядка замещения должности в случае недееспособности главы государства и ослабление политических партий путем отмены выборов по партийным спискам. Формально ни одна из этих поправок не выводит страну из демократического поля, но по сути «свобода маневра» у власти расширяется, а у оппозиции – сужается. Еще один «маленький симптомчик» детских болезней демократии, но вкуче со всеми предыдущими опасно приближающий Азербайджан к своим авторитарным соседям из Центральной Азии.

Восточная Европа

Ни одно из государств европейской части СНГ также не избежало опасных симптомов. В самой тяжелой степени больна Белоруссия. Казалось бы, все хорошо начиналось: демократические выборы президента, смена высшей власти. Победил не коммунист. Далее – срыв за срывом: нелегитимное продление президентского срока, фактический разгон парламента, жесткие гонения на печать, судебное давление

на оппозицию, пропажа оппозиционных политиков. Самые одиозные отклонения выправлены выборами президента, но надежд на скорое возвращение Белоруссии в демократическую колею мало.

Молдова по внешним признакам – тоже развивалась относительно благополучно. Пожалуй, самая «серьезная» на пространстве СНГ система политических партий, спокойная смена президента в 1996 г., менее конфронтационные отношения с «сепаратистами», чем у других государств. Но срыв все же произошел. Молдавские центристы погнались в 2000 г. за двумя зайцами: не дать переизбраться на второй срок президенту П.Лучинскому и не допустить к власти коммунистов. С этой целью (в сговоре с теми же коммунистами) изменили государственный строй с президентской республики на парламентскую. Однако тут же рассорились, чем не преминули воспользоваться коммунисты. В итоге в Молдавии президент, премьер и большинство в парламенте сегодня у Партии коммунистов, а «старые» центристские партии даже не прошли в законодательную власть. Смена правил игры оказалась плохим лекарством от трудностей демократизации – более горьким, чем сама болезнь.

Украина тоже по формальным признакам выглядит неплохо: одна из первых в СНГ смена верховной власти – причем, доверия на выборах не получил «отец независимости» (в соседней Молдавии это же случилось двумя годами позже). Самая крупная «помарка» в демократической истории Украины – это сомнительный референдум апреля 2000 г. Проведенный по весьма спорному закону, референдум поддержал предложения президента Л.Кучмы о расширении его полномочий по роспуску парламента, уменьшению численности депутатов Рады и появлению верхней (назначаемой) палаты парламента. Итоги референдума так и не были претворены в жизнь – во многом из-за резко негативной позиции Европы, но сам факт симптоматичен.

Но Украина «болеет» и другой серьезной болезнью – затяжным кризисом президентской власти. Начиная со скандала с магнитофонными пленками и «дела Гонгадзе», легитимность действующего президента серьезно подорвана, а политическая элита предельно фрагментирована (многонедельные попытки избрать спикера новой Рады – наглядное тому свидетельство). Неожиданная инициатива Кучмы о преобразовании украинского государства из президентской республики (ради укрепления которой он всего два года назад затевал спорный референдум) в парламентско-президентскую допускает только одну трактовку. Элита (начиная с президента) зашла в полный тупик в решении проблемы преемственности власти и ищет выход в «элитном сговоре» о ее разделе после ухода Л.Кучмы. Что из этого получится – предсказать трудно.

Ну, и наконец Россия. Самая острая фаза болезни давно пройдена: в 1993 г. силовым способом разогнан парламент и принята конституция, предусматривающая принципиально иную конструкцию государственной власти. С тех пор проявлялись только мелкие болезненные симптомы типа двукратной смены порядка формирования верхней палаты (что очень важно для *федеративного* государства, единственного из 15 бывших республик) или чуть было не состоявшегося импичмента президента по политическим мотивам. Серьезнее другая проблема: в России смены верховной власти через выборы за 11 лет не было и не предвидится в обозримом будущем. Один раз удалось передать власть преемнику президента достаточно «чисто» и эффективно, но механизма преемственности в полном смысле как не было, так и нет.

Оценив масштаб перемен, произошедших при смене первого президента вторым, российская элита забеспокоилась за свое будущее. Но пока это беспокойство рождает только проекты продления срока полномочий действующего президента: как говорил принц Датский (в переводе Б.Пастернака), «мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться».

Итак, бывшие пятнадцать республик можно расположить по шкале «убывающей консолидации» демократии следующим образом:

Таблица 1

Литва	«Выздоравливающие»: От практически здоровой Литвы, до двух стран, в которых наступает улучшение по застарелому симптому «неинклюзивности» (с возможными рецидивами). Оснований сомневаться в необратимости демократической консолидации практически нет.
Эстония	
Латвия	
Молдавия	«Есть надежда на поправку»: «Острые симптомы» либо не сильно выражены, либо преодолены несколько лет назад. Главная проблема всех этих стран – отсутствие не только механизмов преемственности власти, но и политической силы, нетождественной нынешней власти, которая была бы способна «встать у руля» (неважно, будут ли это прямые наследники или оппоненты). Особенно острой может стать ситуация в Армении, где президент находится в жестком конфликте с могущественной ассоциацией ветеранов карабахской войны.
Украина	
Россия	
Армения	
Грузия	
Белоруссия	Хроническая болезнь. В этой категории объединены три очень разные страны. Грузия – из-за катастрофического и затяжного кризиса государственной идентичности и неспособности заняться собственной безопасностью (плюс – еще более тяжелая
Азербайджан	

форма вопроса о преемственности власти); Азербайджан и Белоруссия уже заступили за черту, за которой начинается авторитарное государство, и пока более вероятно, что они останутся там, чем вернуться в демократическое поле. Азербайджан, если и когда встанет вопрос о преемнике действующего президента, рискует скатиться до самого низа нашей «шкалы демократии».

Киргизия Казахстан Таджикистан	Острая стадия – опасно для жизни демократии. Формальные признаки демократии носят все более «декоративный» характер. Мало оснований оспаривать тот факт, что эти государства уже (или еще) полувластительны.
Узбекистан Туркменистан	«Доктор сказал – в морг». Эта фраза исчерпывает диагноз. Сегодня в качестве преемников правящих режимов более вероятен кто-то похожий на талибов, чем «демократизаторы».

Симптомы При всей разнице ситуаций в пост-советских странах, можно выделить общие симптомы их болезней. Пожалуй, не имеет смысла говорить о них применительно лишь к центральноазиатским государствам, которые больны уже совсем другой болезнью.

Коммунисты в фазе ремиссии Практически на всем пост-советском пространстве одной из интриг, определяющих суть политической борьбы, является судьба «наследников КПСС» – политических партий, выросших из прошлого режима и опирающихся на тот немалый сегмент общества, который ностальгирует по прошлому и стремится если не восстановить его, то по крайней мере сохранить его остатки. Компартия – это сильнодействующее средство, которое, в зависимости, от дозы может быть и лекарством, и ядом. Если ее «слишком много» и она радикальна – это яд для демократизирующегося организма. Если же она «умеренно сильна» и эволюционирует в сторону системности, то она – «лекарство», поскольку через нее в политическое пространство включаются те, кто недоволен переменами, и общество становится инклюзивным.

Лишь Латвия и Эстония обошлись без «прямых наследников» КПСС, поскольку русскоязычный сегмент общества был насильственно исключен из политической жизни, а все остальные сегменты были сплочены национальной идеей, исключаяющей «коммунизм». Впрочем, в обеих странах (в Латвии – больше, в Эстонии — меньше) уже заметны «новые левые», похожие на социал-демократов Центральной Европы).

Пример Литвы позволяет сделать очень важный для большинства пост-советских страны вывод: одно из условий консолидации демократии

– успешная трансформация «преемников КПСС» в системную силу. «Системная» в большинстве случаев трактуется как сила национальная, включенная в общеполитический консенсус относительно путей развития страны. Именно в Литве наследникам советской компартии в наиболее полной степени удалось стать *подлинно национальной политической силой* и сохраниться в качестве одной из ведущих в стране политических партий. Как и в странах Центральной Европы (самые яркие примеры – Польша, Венгрия и Румыния) большая часть бывшей компартии быстро подхватила «национальную идею», подразумевающую интеграцию в Европу, а потому по определению исключающую «реставрационность». Именно верность национальной идее была решающим моментом в эволюции вчерашних коммунистов, именно поэтому их приняла и поддержала немалая часть общества, а обретенная «социал-демократичность» просто стала естественным для Европы символом «левых-но-не-коммунистов».

Из остальных стран лишь в Молдавии компартия проделала сопоставимую эволюцию в сторону «системности», но в силу специфических условий – провала модернизационного проекта и общей «провинциальности» стили политической жизни. Коммунисты в Молдавии не стали социал-демократами, но (как показывали наши исследования в этой республике) считались «своими», естественной и легитимной частью молдавского политического ландшафта. Именно потому они смогли убедительно победить на выборах, а, придя к власти – попытаться обойтись без резких шагов.

В Белоруссии и Армении компартии были просто «ограблены» более удачливыми конкурентами. Другие, более сильные политики притянули к себе ностальгирующую часть общества, оказавшись достаточно «похожими» на коммунистов. В Армении речь идет просто о главе «советской» республиканской компартии Демирчяне (убитом в стенах парламента), а белорусский «бабка» просто все в стране «оставил как есть» – почва для ностальгии резко сократилась.

На Украине и в России компартии остались просто «неперестроенными». И там, и там они удержали под своим контролем крупнейший сплоченный сегмент общества – «советскую субкультуру». В таком качестве они вписались в общую расстановку политических сил. Они удобны правящему классу как «страшилка» – пределы их электоральной ниши широки, но жестко ограничены меньшинством населения, о передаче им власти речи не идет, но именно против коммунистов легче всего мобилизовать всех колеблющихся. Разница между двумя славянскими государствами в одном: в России альтернативные левые проекты не получились вообще, на Украине же возникла целая гамма альтернативных левых партий, которые ограничили потенциал коммунистов. Так или иначе, замена коммунистов «новыми левыми» в обеих странах – долгий исторический процесс, который еще только в начальной стадии своей реализации.

Внутренняя борьба организма: партии или политики

Может ли стабильная демократия существовать без сильных партий – вопрос академический. Но пока прецедентов не было. Из всего СНГ (в Прибалтике, как отмечалось выше, партийные системы сложились достаточно быстро), лишь Молдова подавала надежду на «выращивание» полноценной партийной системы: до 2000 г. в стране (естественно, с пропорциональной системой выборов в парламент) можно было найти весь спектр партий — от коммунистов и социал-демократов до правых националистов. Но последние парламентские выборы сокрушили три центристских сегмента этой системы, оставив «в живых» лишь коммунистический и националистический полюса и невнятное центристское новообразование.

Исключая Прибалтику и Молдавию, можно нарисовать общую «клиническую картину» партий в пост-советских демократиях и «полудемократиях»: беспартийная президентская власть, опирающаяся на рыхлую «клаку» или группу поддержки («союзы граждан», «Единые» Россия и Украина и т.п.), которая часто, но не всегда имеет большинство в парламенте. От этих партий практически ничего не зависит в назначениях на высшие государственные посты, выработке стратегии государственного развития, тем более – решении вопроса преемственности власти. Они есть *функция* от президента и его ближайшего окружения, а на выборах всецело зависят от административного и иных ресурсов, предоставляемых в их распоряжение той же верховной властью. Соответственно и их представительство в парламенте определяется степенью публичной популярности и административной силы президента.

Наряду с такими «партиями власти» практически везде существуют «малые партии» самых разных оттенков (о коммунистах мы особо сказали выше). Эти партии гораздо больше похожи на «настоящие», но они практически никогда не имеют шансов на получение верховной власти: президентские выборы строятся совсем по другим правилам. Можно сказать, что президентские выборы в СНГ – это «суперлига», а парламентские – первенство города среди дворовых команд.

Пока президентская власть сильна и стабильна, ее «собственная партия» легко выходит на первые роли в парламентской политике (от «Единой России» до партий большинства в Закавказье), если же она «неблагополучна» – «партия власти» оказывается в меньшинстве, что это лишь осложняет работу президента, но не ставит под угрозу его власть (НДР при Ельцине или проправительственная коалиция в Раде в первый срок президентства Я.Кучмы). Но только в случае предельно острого кризиса президентской власти в оппозиционных партиях может возникнуть персона, способная побороться за пост главы государства. Таков один из возможных сценариев развития событий на Украине.

В России «партия власти» имеет уникальный шанс сохраниться *через* *трое* (!) парламентских выборов при одном президенте. Неважно,

что она по-разному называется и из разных людей состоит (и будет состоять), неважно, что на первых выборах этот президент назывался премьер-министром (к декабрю 1999 г. его шансы стать президентом были почти бесспорными). Главное – что это «партия Путина» (в которую он, разумеется, не вступает). Вопрос в том, сможет ли эта партия из «клаки», каковой «Единство» было в 1999 г., а «Единая Россия» является сегодня, превратиться в реальную, почти доминантную партию.

Итак, резерв роста влияния у политических партий во многих странах есть, но он пока чисто гипотетический, обусловленный многими «развилокками». Пока же тон в политике задают беспартийные фигуры – поодиночке или объединенные в мощные кланы.

«Синдром Гамлета»

Мы подошли к главному симптому болезни политической элиты постсоветских государств: «синдрому Гамлета» – страху стоящих у власти за утрату таковой («мириться лучше со знакомым злом...»). Речь не идет о страхе оказаться в оппозиции: это естественный инстинкт всех демократических политиков в любой стране. Но в большинстве развитых демократий этот страх гасится надеждой, что их партия во власть все равно вернется, даже если это произойдет не скоро, даже если у руля партии тогда окажется уже следующее поколение политиков. Зато есть «запасные аэродромы» в бизнесе или парламенте, есть почет и уважение к отставным политикам (плюс приличное существование), минимален страх преследования за то, что ты сделал за свою политическую карьеру.

У постсоветских беспартийных политиков набор страхов иного рода: от личной безопасности, до угрозы передела властно-собственнических отношений и риска полной хаотизации политической жизни страны. Верхушка правящего класса редко сохраняет абсолютную стабильность, но кадровые взлеты и падения происходят внутри одной и той же группировки или неформальной коалиции, а перед лицом «чужих» они сохраняют высокую сплоченность.

От подобных страхов избавлены политики прибалтийских государств и, пожалуй, Молдавии, которая пережила уже две смены власти. А особенно силен их набор у тех лидеров (и их окружения), которые стоят у руля с советских времен, постоянно (вся Центральная Азия) или с перерывом (Грузия и Азербайджан). Развитие событий после ухода первого лица (а все они уже весьма немолоды) им самим представляется совершенно непредсказуемым, да и ни один «внешний» эксперт не может нарисовать им вразумительной картины завтрашнего дня. Ясно, что чем жестче был режим, чем большими властными полномочиями он обладал (в том числе – в экономической политике), тем сильнее страхи. К центральноазиатским и закавказским лидерам можно добавить и президента Лукашенко. У них у всех перед глазами набор примеров из мировой истории – от Чаушеску до Филиппин, Южной Кореи и Индонезии.

Набор рецептов, которые применяются для «лечения» этих страхов, достаточно стандартен. Это либо «жесткий» зажим оппозиции, вплоть до судебных расправ по коррупционным основаниям или обвинениям в «антигосударственной» деятельности, либо «мягкое» изменение правил игры, затрудняющее оппозиции условия борьбы за власть – от пресловутого закона о партиях в Узбекистане до поправок, вынесенных на референдум в Азербайджане. Пресса и другие политические ресурсы также держатся под жестким контролем. Если в этих странах и делаются попытки договориться «всей элитой» о преемственности власти, то они глубоко законспирированы – мы о них практически ничего не знаем. Основная ставка делается на то, чтобы осуществить передачу власти «своему» человеку, желательно – кровно близкому к действующему главе (чтобы не было искуса отойти от договоренностей).

Только страны, болеющие «детской болезнью» в более легкой форме, пробуют более тонкие механизмы поиска преемственности власти. Речь идет о той же Молдове, Украине и России.

Контроль над электоральными ресурсами и ограничение свободы маневра оппозиции (реальной и потенциальной) в них тоже применяются, но редко носят откровенно репрессивный характер. Но широко распространены такие приемы как реализация своего господства в информационном пространстве (вспомним, например, захват НТВ, смену собственника на ОРГ и «санацию» ТВ-6), использование пресловутого «административного ресурса» (особенно это заметного на Украине и в России). Институциональные рамки меняются в пользу действующей власти, но путем мягкой коррекции. Это пресловутый референдум на Украине, неудачная форма смены строя в Молдавии. В России в таком качестве можно упомянуть вторую реформу Совета Федерации (которая серьезно ослабила возможности губернаторов в федеральной политике), введение закона о партиях, дающего власти новые рычаги административного контроля. Демократические институты не разрушаются, но на какое-то время выхолащиваются. Более «грубые» проекты типа отмены пропорциональной системы выборов, тем более – третьего срока, запрета КПСС, переноса выборов или того же украинского референдума гибнут внутри самой исполнительной власти. Передача власти от Ельцина Путину похожа на «престолонаследие» только внешне. «Проект Путин» победил в жесткой конкуренции с альтернативным вариантом преемственности: значительная часть элиты не верила в то, что Ельцин и «семья» сможет найти гладкий вариант передачи власти и, опасаясь хаоса, поддержала лужковско-примаковский проект. Путину победу обеспечили не только ресурсы власти, но и вполне убедительные политические действия, попавшие в резонанс с настроениями общества. Не все методы борьбы его команды с оппонентами (вспомним, хотя бы С.Доренко) из демократического арсенала, но победа вполне убедительна и легитимна.

В этих же странах периодически предпринимались попытки найти и механизм преемственности, основанный на «договоре элит», иначе говоря – разделе власти. В Молдове это – спонтанная коалиция центристов и коммунистов против слабеющего П.Лучинского: только благодаря такому договору удалось провести конституционные поправки о парламентской республике.

На Украине механизмы элитных договоренностей действовали и в прошлом составе Верховной Рады, но особенно сильно – в нынешней. При ослабленной президентской власти Л.Кучме пришлось «разменять» фигуры: спикером при перевесе в один голос стал глава его администрации В.Литвин, а администрацию возглавил лидер «младшего партнера» президентской партии – социал-демократ В.Медведчук. К тому же, Кучме пришлось пойти на сближение со своим оппонентом на парламентских выборах и лидером «президентских» электоральных симпатий – экс-премьером В.Ющенко. После таких договоренностей попытка снизить значимость президентской власти (переход к парламентско-президентской республики) кажется логичным следующим шагом.

В России тоже имели место попытки договора элит, естественно, в периоды ослабления президентской власти. Первая и робкая – осенью 1997 г., когда угроза вотума недоверия правительству была снята лишь ценой введения так называемых «согласительных процедур» с оппозиционной Думой. Это «согласие» было по сути похоронено Б.Ельциным при назначении премьером С.Кириенко, однако потребность в нем возникла с новой силой после дефолта. Первый и пока последний раз президенту России пришлось назначить удобного Думе премьера. Характерно, что Е.Примаков сразу отказался от идеи «ответственного правительства», которая весьма активно обсуждалась в начале сентября 1998 г., но сам выдвинул проект «общественного договора» весной 1999 г., когда «запахло» его отставкой. Голосование по импичменту стало нарушением этих договоренностей оппозицией, а потому последовало увольнение «согласительного премьера» и запуск «проекта Путин».

Анализ опыта трех стран показывает ущербность элитных договоренностей в постсоветских странах. Они появляются только в кризисных ситуациях, и рассматриваются всеми сторонами как временные и оппортунистические. Партнеры надеются либо восстановить силы, либо накопить их, а почувствовав «прилив бодрости» сильная сторона сознательно идет на срыв «согласия». Так поступила партия коммунистов в Молдове, Б.Ельцин весной 1998 г.; «встречный бой» развязали коммунисты и тот же Б.Ельцин весной 1999 г. Такой сценарий наиболее вероятен и на Украине, причем с приближением конца срока полномочий Л.Кучмы «в силе» себя скорее почувствует В.Ющенко. Но главная ущербность всех «элитных договоров», объясняющая все остальные, состоит в их верхушечном характере. За ними не стоят ни стабильные партии (коммунисты – исключение), ни

консенсусные проекты политических действий. Их предмет – раздел или передел власти, причем временный. Практически никогда в «пакет договоренностей» не входят принципы социально-экономической политики или даже «анти-кризисного управления». Самый наглядный пример – политика кабинета Примакова, имевшая мало общего с программой левого большинства в Думе. Потому-то эти договоренности так легко разрушить: они опираются лишь на отношения между политиками, а не партиями и программами, тем более – не обществом. Пожалуй, единственное, что может придать элитному согласию устойчивость – это «страх крови» или масштабного хаоса. Соответственно они более вероятны не в относительно европейских России, Украине или Молдове, а, скажем, в Закавказье.

Прогноз

Самый очевидный вывод из «анамнеза» детских болезней кажется парадоксальным. Эффективность демократизации политической жизни на пространстве СНГ за минувшее десятилетие определялась наложением двух факторов: силы президентской власти и «европейского стиля» поведения элиты. Прибалтика — «особая статья», там европейский стиль включал в себя и более распространенную в Европе парламентскую форму демократии, которая со всеми оговорками оказалась дееспособной. Если сильная президентская власть не чувствовала давления общества, которое заставляло ее ограничивать себя «европейскими приличиями», происходило становление полуавторитарных или авторитарных режимов разной степени жесткости – от Туркменистана до Белоруссии. Если президентская власть была слаба, то имели место попытки силовой смены (Азербайджан, Грузия и с оговоркой – Армения), либо затяжной политической кризис (Молдова, Украина, в «легкой форме» – Россия).

Второй вывод, следующий из первого. Легитимные смены власти на пространстве СНГ не стали определяющей формой консолидации демократии. Украина, Молдова, Белоруссия, где эти смены происходили, на рубеже одиннадцати лет независимого развития выглядят не более (по многим показателям – менее) демократическими, чем Россия, где такой смены не было. Тем не менее, проблема появления «второй силы», способной подхватить управление и демократизацией, и всем процессом модернизации страны, остается практически повсеместной. Она порождается слабой структурированностью постсоветских обществ, слабостью партий и гражданского общества, явно выраженным «вождистским» стилем политики. Опасно то, что такой стиль уже стал для элит привычным, они сегодня заинтересованы скорее в его сохранении, чем постепенном размывании.

В развитии относительно успешных «протодемократий» возникает развилка. Либо «вождистский стиль» будет утверждать себя еще более решительно (симптомы этого – все три явления, с которых мы начали данный анализ), и тогда повысится риск сползания к авторитарности.

Либо – в более оптимистическом сценарии – правящий класс почувствует себя более уверенно, и начнет (для начала) допускать больший плюрализм внутри «своего лагеря». Тогда «вождистские системы» будут эволюционировать в сторону «систем с доминантными партиями» или допускать элементы «раздела власти», а это не самые прямые, но достаточно надежные пути к полноценной демократии.